

Художник великой эпохи

В нашу культуру, русскую музыку, советское искусство Дмитрий Шостакович вошел пять десятилетий назад, вошел неожиданно, стремительно и ярко. Он могуче обозначил собой целую эпоху и остался в сердцах людей, в истории музыки двадцатого столетия как художник, сумевший сказать вешую правду о жизни.

Сегодня вечером, в день рождения Дмитрия Дмитриевича, — в день его 70-летия — наш оркестр, заслуженный коллектив республики Академический симфонический оркестр Ленинградского филармонии, носящей теперь имя Шостаковича, — будет исполнять его Шестую и Пятую симфонии. В который раз... И снова в первый раз. Иначе и не может случиться с произведениями великих творцов, неисчерпаемыми и потому навсегда новыми.

Шостакович, гениальнейший композитор нашего времени, был и останется для будущих поколений истинным летописцем жизни, которой он сам жил, которой жили наша Родина, наш народ. Мне кровно близко все, что им создано, все, что им выражено в его симфониях, в его музыке вообще. Эта близость внутреннего содержания искусства Шостаковича освещала всегда мою работу над его музыкой. Трудностей, с которыми приходилось сталкиваться подчас при работе над произведениями других авторов, здесь я не встречал. Передо мной открывалось как бы то, что давно знал. И оставалось только мобилизовать все свои силы (всегда казалось, что их не хватает), чтобы воплотить то, что им создано.

В ноябре 1937 года впервые прозвучала Пятая симфония Шостаковича, которой суждено было занять особое место

К 70-летию со дня рождения Д. Шостаковича

в творческой жизни композитора, в судьбе его музыки. Тогда я еще не сознавал ответственности, которая вдруг пала на мои плечи как первого исполнителя этого нового произведения. Если бы ее осознал тогда, не знаю, взялся ли бы за работу.

Мне выпало счастье впервые исполнить Шестую, Восьмую, Девятую, Десятую симфонии Шостаковича, а также Двенадцатую, посвященную памяти Владимира Ильича Ленина... В исполнении нашего оркестра музыка Шостаковича звучит часто, и играем мы ее с великой любовью. И другие советские и зарубежные оркестры, камерные ансамбли, хоры, театральные коллективы и солисты много и с любовью играют Шостаковича. Его музыка уже давно живет своей естественной жизнью, нисходя отклик в сердцах людей, притягивая к себе все новых и новых слушателей...

Неотъемлемая черта личности Шостаковича — гражданственность. Она была присуща ему на протяжении всего композиторского пути. Величие Шостаковича определяется для меня прежде всего значительностью той общественной и нравственной идеи, которая проходит через все его творчество. Это мысль о том, чтобы не было людям плохо, чтобы они не мучились и не страдали из-за войн и социальных бедствий.

Верность высокой гуманистической идее придает творчеству Шостаковича внутреннюю цельность и единство. Композитор показывает зло только для того, чтобы обличать его. Ему совершенно несвойственно, более того — глу-

боко чуждо натуралистическое, равнодушное изображение злых сил, не говоря уже о поэтизации страданий, культе безнадежности. Обращаясь к темным сторонам действительности, он пробуждает в слушателях протест, возмущение жестокостью, бесчеловечностью и зовет к активной борьбе с ними. Беспощадный в обличении зла, он целомудренно робок и стыдлив, когда надо сказать о личном. Сила его чувств — в их чистоте. Он больше всего боится быть нескромным, назойливым в выражении своих сокровенных эмоций. Его лирика раскрывает себя в немногих скупых штрихах. Должен признаться, что высоко ценю и очень люблю именно такую форму выражения. Иной раз Шостаковичу достаточно одного такта или даже доли такта, чтобы обрисовать образ, выразить пугное настроение.

Нежелание быть навязчивым, стремление избежать сентиментальности проявляется у Шостаковича и в своеобразных приемах инструментовки. В первой части Шестой симфонии, например, есть небольшой дуэт флейты и фагота. Проникновенные, трогательные лирические интонации поручены инструментам, звучание которых исключает всякий эмоциональный «нажим», какую бы то ни было подчеркнутость, слащавость выражения.

Такая сдержанность в выражении чувств иногда может создать у слушателя представление о недостаточной эмоциональности музыки Шостаковича. На самом же деле в ней таится глубокие лирические чувства. Надо только уметь их уловить — и тогда вы не смо-

жете не оценить их возвышенности, чистоты и внутренней силы.

Значительное и глубокое содержание музыки Шостаковича всегда воплощалось композитором с исключительным, совершенным мастерством. Всякий раз, когда я впервые разучивал с оркестром новую партитуру Дмитрия Дмитриевича, меня поражало, с какой точностью он слышит будущее звучание своей музыки. Все им заранее пережито, продумано и рассчитано. Он слышал и оркестр в целом, и каждый инструмент в отдельности. Замечательно «слышал» композитор и форму будущего произведения. Здесь все было не только выверено в соответствии с содержанием, но и построено с учетом законов слушательского восприятия. Асафьев писал о «направленности формы на восприятие» у Чайковского. Шостакович в этой области, как и во многих других, — прямой продолжатель и достойный наследник Чайковского.

Музыка Шостаковича навеки выросла в могучий мир отечественной музыкальной классики. Нам суждено открывать в ней еще неизведанные глубины и заново ощущать ее красоту.

С музыкой Шостаковича связаны судьбы музыкантов в нашей стране и во всем мире. В музыке Шостаковича находят радость и утешение многие люди на земле. Музыка Шостаковича и ее творец — олицетворение неизбывной мощи русского художественного гения.

Евгений МРАВИНСКИЙ.
Герой Социалистического
Труда, народный артист
СССР, лауреат Ленинской
премии.